

А. В. КОРОЛЕНКОВ

[Рец. на кн.: Гилберт М. Продолжать доносить, изводить и жалить. Как руководил Черчилль во время войны. (*Gilbert M. Continue to pester, nag and bite. Churchill's war leadership.* London: Pimlico, 2004, VIII, 104 p.)]

Автор этой небольшой книги — официальный биограф Черчилля сэр Мартин Гилберт*. Рецензируемая работа представляет собой популярный очерк о деятельности Черчилля как государственного деятеля в годы Второй мировой войны. Однако речь идет не о последовательном изложении событий, а о выявлении основных особенностей, «почерка» сэра Уинстона как главы британского правительства во время войны со странами оси.

М. Гилберт отмечает, что организационные вопросы стали главными в деятельности Черчилля в годы войны. Он постоянно контактировал с Комитетом начальников штабов, Объединенным штабом планирования, Объединенным разведывательным комитетом, Промышленным советом и др. Черчилль, по мнению автора, не был руководителем диктаторского типа**. «Если начальники штабов были против каких-либо его инициатив, он отказывался от них. Он не имел власти, чтобы взять верх над их коллективной волей. Но в большинстве случаев противостояние не было столь острым». В конце концов перед премьером и его подчиненными стояла одна задача — победить Германию, и они часто находили общий язык. Так, прежде чем направить войска в Грецию, сэр Уинстон опросил всех членов кабинета

* *Gilbert M. Winston S. Churchill, vol. III–VIII, 1971–1988.* Первые два тома принадлежат перу сына Черчилля, Рэндольфа.

** Отзывы иного рода см.: *Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 341.*

и принял решение лишь после того, как они единодушно изъявили согласие (с. 5–7).

Автор отмечает важную роль личного секретариата Черчилля. Его сотрудники умели вовремя предоставить нужные материалы, «расшифровать» указания премьера, которые тот нередко давал скороговоркой и на ходу, записывали чуть ли не каждое его слово, о чем он очень заботился, памятуя о ситуации времен Первой мировой войны, когда многие дискуссии и отмененные решения оставались незафиксированными. Имена сотрудников секретариата малоизвестны, ибо они действовали «без рекламы и фанфар, но профессионально и с полной самоотдачей». Это машинистки Элизабет Лейтон и Мэриан Холмс, фотограф Черчилля Кэтлин Хилл и другие (с. 7–13).

Черчилль считал гнев пустой тратой энергии, но сам, конечно, часто предавался эмоциям. Но его машинистки замечали, что даже в самые тяжелые моменты войны он находил слова ободрения и очаровательно улыбался.

Премьер-министр Австралии Р. Мензис¹ говорил о нем: «Мысли о поражении не было места в его сердце», и это было главной чертой руководства Черчилля в годы войны. Он всегда выступал против пораженческих настроений даже в самые тяжелые дни, отказавшись идти на мир с Гитлером в условиях разгрома Франции. Он предупреждал капитулянтов: «Когда страна ведет такую войну, большие неприятности ожидают тех, кто исповедует пораженческие взгляды и противопоставляет себя воле нации» (с. 17–29).

Черчилль, отмечает Гилберт, сумел добиться национального единства, столь необходимого в годы войны. Он охотно сотрудничал с бывшими сторонниками политики «умиротворения», если они были способными людьми, и выступал против враждебных действий по отношению к ним. «Если мы позволим начаться распре прошлого с настоящим, мы придем к тому, что потеряем будущее», — говорил он (с. 32–35). Узнав о приговоре женщине, сравнивавшей его с Гитлером, премьер-министр добился смягчения наказания. То же он сделал и в отношении группы пожарных, которые осушили несколько бутылок вина и спирта, добытых в разбомбленном пабе (с. 16).

В годы войны Черчиллю очень помогала вера в себя. Еще в 1900 г., когда ему было только 26 лет (но он успел уже принять участие в трех войнах и стать автором пяти книг), артиллерий-

ский офицер Перси Скотт писал ему: «Я не сомневаюсь, что настанет день, когда пожму Вам руку как премьер-министру Англии; Вы обладаете двумя необходимыми качествами: живым умом и мертвой хваткой» (с. 36). И он не ошибся.

Помогало Черчиллю и ясное понимание целей войны. «Война ужасна, но рабство еще хуже», — говорил он в январе 1939 г. «Мы боремся за то, чтобы спасти весь мир от чумы нацистской тирании, защитить самое святое, что есть у человека», — заявил сэр Уинстон полгода спустя. «Вы спрашиваете меня, какова наша цель? Я могу передать ее одним словом: это победа. Победа любой ценой», — сказал он в палате общин 13 мая 1940 г. Как-то Сталин усомнился в том, что Черчилль хочет разгрома Гитлера, и тогда премьер спел ему песню времен Первой мировой — «Иди прямо, если хочешь достичь конца пути». Удивленному Сталину объяснили, что эта песня — «британское секретное оружие» (с. 36–41).

Выступая за победу любой ценой, Черчилль, как указывает Гилберт, стремился в то же время к минимизации потерь. Так было еще во время Первой мировой войны, когда он выступал против кровавых атак на Западном фронте в 1917 г. Он стремился избежать ненужных жертв даже у противника. Просмотрев фильм о безжалостной бомбардировке Королевскими ВВС немецкого города, премьер-министр воскликнул: «Вы что, звери? Неужели мы зашли так далеко?» (с. 43–45). Со временем он стал сторонником целевых налетов, помогавших избежать лишнего кровопролития. Черчилль долго колебался в отношении бомбардировок Северной Франции накануне высадки в Нормандии, а решение о воздушном рейде на Дрезден санкционировал его заместитель К. Эттли, когда сам премьер находился в Ялте. Узнав о подробностях случившегося, последний пришел в ужас. В то же время Черчилль шел и на решительные меры, согласившись после недолгого сопротивления на временное интернирование иностранцев немецкого происхождения, а также на расстрел французского флота в Оране летом 1940 г. (с. 84–89).

«Во время войны для Черчилля как руководителя центральной была концепция наступления: необходимость, как он это представлял себе, атаковать при каждом удобном случае, даже если тебя самого атакуют». К числу мер, принятых в рамках этой концепции, автор относит бомбардировку германских городов, минирование Рейна, наступление в Западной пустыне. Правда, многие военные советники Черчилля считали его активность

чрезмерной, а самого премьера — человеком весьма нетерпеливым (с. 54–56).

Особенностью Черчилля как руководителя было стремление постоянно быть на виду. Он ездил в подвергшиеся бомбардировке города Англии, в ее прибрежные районы, где летом 1940 г. ожидали высадки немцев, в Тунис (премьер появился на публике в римском амфитеатре Карфагена!), на юг Франции, на р. По в Италии. Его знаменитый жест — пальцы в виде буквы V (victory), — неизменная сигара, широкая улыбка поднимали дух. Однажды Черчилль шел с генералом Г. Исмеем в Адмиралтейство, и прохожие приветствовали его: «Удачи, Винни! Да благословит тебя Бог!» «Бедные люди! — заметил премьер Исмею. — Они доверяют мне, а я ничего не могу дать им, кроме бесконечных несчастий» (с. 47–48, 69–70).

Но особую роль, как отмечает М. Гилберт, играли встречи Черчилля с руководителями государств. В 1940 г., став премьером, он трижды летал во Францию, что было вдвойне опасно в условиях быстрого немецкого наступления. В 1941 г. Черчилль плавал на линкоре «Принц Уэльский» в США, а в 1943 г. встречался с Рузвельтом в Касабланке и на Мальте. Он дважды летал в Москву, не говоря уже о встречах в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Из его поездок Гилберт выделяет визит в Афины на Рождество 1944 г., когда в Греции шла гражданская война. «Это было экстраординарное путешествие, которое он предпринял в надежде на то, что его личное вмешательство имеет больше шансов на успех, чем вмешательство послов, эмиссаров или увещевания по телеграфу». Встречи не всегда оказывались удачными — к числу фиаско Черчилля М. Гилберт относит переговоры со Сталиным, который, в частности, нарушил договоренность о проведении в Польше свободных выборов после войны. Зато полного успеха премьер добился в отношениях с США (с. 65–70).

Уповал Черчилль и на письменное слово. Одному только Рузвельту он отправил 1300 телеграмм. Еще до первой встречи с помощью послания, над которым Черчилль трудился две недели, он смог убедить американского президента помочь Англии военными поставками. Итогом письма стало введение системы ленд-лиза, которая помогла ей выстоять в самые трудные месяцы. Вообще успехи в отношениях с США М. Гилберт считает одним из крупнейших достижений Черчилля. Правда, послания Муссолини и Мацуоке с призывом к Италии и Японии не вступать в войну на стороне оси (эти письма автор ставит по значимости

в один ряд с упомянутым письмом Рузвельту) оказались безрезультатными, но они важны для М. Гилберта как пример важности письменного слова в глазах Черчилля (с. 57–65).

Черчилль глубоко вникал в детали. Перед Первой мировой войной он научился управлять самолетом. Будучи министром финансов, он изучил множество статистических таблиц перед введением пенсий для вдов и сирот и понижением возраста пенсионеров. Особенно много внимания Черчилль уделял, конечно, тонкостям военного дела. В годы Первой мировой войны он был первым лордом Адмиралтейства, но при этом активно способствовал разработкам нового вида сухопутного оружия — танков. Уже во время Второй мировой войны Черчилль одним из первых начал выступать за применение танков-амфибий². Он много сделал для организации системы конвоев, которая позволяла заметно снизить потери судов, а также дал немало ценных советов по применению макетов кораблей, отвлекавших внимание врага от настоящих целей (с. 50–52).

Огромное значение в условиях войны имела кадровая политика. Черчилль выбирал людей в соответствии со способностями, отстраняя тех, кто не справлялся со своими обязанностями. Так, он отослал лорда Галифакса послом в Вашингтон, хотя тот отнюдь и не стремился уйти с поста министра иностранных дел. Его место занял А. Иден, человек весьма компетентный и к тому же близкий к Черчиллю, который высоко ценил его. Самыми трудными решениями премьера за всю войну, по мнению М. Гилберта, было отстранение А. Уэйвелла, а затем К. Окинлека от командования в Северной Африке. Их сменил Б. Монтгомери, снискавший похвалу Черчилля. Много споров вызвало назначение министром авиационной промышленности лорда Бивербрука — обосновавшегося в Англии канадского бизнесмена, основателя газетной империи, которого многие считали интриганом и оппортунистом. Чемберлен не хотел вводить его в кабинет. Иное дело Черчилль, которого Бивербрук активно поддерживал еще со времен Первой мировой войны. Другими, менее известными креатурами премьера были Ф. Линдемэн, М. Бакер, Дж. Кеннеди, А. Пёрвис, П. Хобарт. Они оправдали его доверие (с. 70–84).

Автор подчеркивает, что Черчилль видел одну из целей войны в укреплении демократии, и в связи с этим останавливается на его политических воззрениях. Сэр Уинстон признавал недостатки демократии, но указывал, что именно она позволяет народу участвовать в управлении государством. «Цена свободы — по-

стоянная бдительность», — подчеркивал премьер. Он говорил по поводу гражданской войны в Греции: «Демократия — это не продажная девка, которую может подцепить на улице человек с автоматом. Я доверяю людям, множеству людей почти в любой стране. Но я хотел бы убедиться в том, что это народ, а не шайка бандитов из гор или из-заграницы, которые думают, что с помощью насилия они могут свергнуть законную власть» (с. 90–94).

Летом 1945 г. консерваторы проиграли выборы, и Черчилль покинул пост премьера. Когда кто-то упрекнул народ в неблагодарности, он ответил: «Я бы так не сказал. У них были действительно трудные времена»*. Он возглавил парламентскую оппозицию и привел свою партию к победе на выборах в 1951 г. Когда в 1946 г. Черчилль заговорил о «железном занавесе», то это, по мнению автора, объяснялось его предвоенным опытом — он не хотел, чтобы западные страны вновь не оказались во всеоружии перед лицом нового агрессора. Однако при этом он не призывал братья за оружие: «Коммунизм — это тирания, но лучше встретиться и поболтать, чем воевать» (с. 94–95).

В конце жизни Черчилля его дочь Мэри писала ему: «Я обязана тебе тем же, чем и все англичане, мужчины и женщины, — Свободой» (с. 97).

Книга написана живым языком, в ней немало интересных сведений, почти не известных широкому кругу читателей, а подчас и ученых. В то же время бросается в глаза откровенно апологетический подход автора. Конечно, сэр Уинстон был яркой личностью и много сделал для Англии, а потому симпатии к нему многих британских исследователей понятны. Но трудно согласиться с тем, что М. Гилберт, рассказывая о Черчилле — руководителе в годы войны, обошел стороной важнейший вопрос — об эффективности принимавшихся им решений. Например, он считает, что Дарданелльская операция 1915–1916 гг. была задумана как способ положить конец окопной войне в Европе (с. 44). Но автор умалчивает, что эта авантюра после года боев окончилась провалом — во многом по вине Черчилля**. Говоря

* Есть, однако, свидетельства о том, что Черчилль был подавлен провалом на выборах (см.: *Трухановский В. Г.* Указ. Соч. С. 378–379).

** *Бедарида Ф.* Черчилль. М., 2006. С. 110. «Провал в Дарданеллах преследовал мужа всю жизнь», — свидетельствовала его вдова Клементина Черчилль (Там же. С. 114).

о единогласном решении членов кабинета помочь Греции за счет вывода части войск из Египта, он умалчивает, что это решение было изначально неверным и лишило англичан возможности захватить Триполи, не говоря уже о том, что оно не спасло Грецию*. М. Гилберт упоминает о критике Черчилля за провал в Норвегии, когда британский флот позволил немецкому под носом у него высадить десант, однако оставляет в стороне вопрос о том, что основания для критики были, с чем и сам сэр Уинстон, в сущности, соглашался**.

В других случаях автор опровергает обвинения в адрес Черчилля, вообще не упоминая о них. Это касается утверждений о том, что премьер не был руководителем диктаторского типа, выступал против излишне жестоких бомбардировок и т. д. Последнее выглядит, мягко говоря, сомнительно — достаточно вспомнить налеты на Ростов, Кёльн, Нюрнберг, Гамбург, совершенные еще задолго до разрушения Дрездена. Не слишком церемонились Королевские ВВС и с союзниками-французами. Но если против бомбардировок Франции накануне высадки в Нормандии Черчилль пытался возражать, то о бессмысленном разрушении Кана в июле 1944 г. он в мемуарах пишет как о воздушной атаке на оборонительные сооружения врага и лишь глухо упоминает о «разрушенных зданиях»***. Однако в районе бомбового удара таких сооружений не было, и даже многие английские летчики отнюдь не приветствовали идею налета на Кан, «Мы видели разрушения после налетов люфтваффе на Лондон, Шеффилд, Ковентри, Ливерпуль и Манчестер. Но все это бледнело перед тем, что мы увидели в Кане. Мы думали, что французы пострадали ни за что», — с горечью писал английский ас Дж. Джонсон****.

Высоко оценивая успехи Черчилля, достигнутые им в отношениях с США, М. Гилберт умалчивает о том, что на Тегеранской конференции премьер оказался в изоляции и был вынужден согласиться с решениями, которые навязали ему Сталин и Рузвельт. А в 1944 г. министр финансов США Г. Моргантау уже

* Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999. С. 59.

** Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2003. С. 330–331.

*** Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 354.

**** Джонсон Дж. Э. Лучший английский ас. М., 2003. С. 258–261.

прямо говорил, что ось Сталин — Рузвельт укрепляется настолько же, насколько слабеет ось Сталин — Черчилль*.

Лишь частью правды является утверждение автора о том, что Греции помогли для того, чтобы она не чувствовала себя покинутой союзниками. Как указывалось в литературе, были и другие причины такого решения — это позволяло, по мнению британского кабинета, убедить Турцию и, возможно, Югославию выступить против стран оси — другие способы представлялись неэффективными**. Не сводил все к одним лишь союзническим обязательствам и сам Черчилль***. М. Гилберт же говорит исключительно о моральных соображениях. Да и вообще его книга слишком перегружена рассуждениями о морали, демократии, свободе и т. д., мысли о которых руководили действиями Черчилля. Бесспорно, считать такие мотивы сплошным притворством вряд ли правильно. Но в основе поведения любого политика лежат прежде всего интересы — личные, групповые, государственные. А вот как раз эта сторона деятельности Черчилля и осталась за рамками повествования. Между тем от ее рассмотрения книга только выиграла бы, а образ ее героя оказался бы более многогранным.

* *Berthon S., Potts J. Warlords. The Heart of Conflict 1930–1945. L. 2005. P. 236.*

** *Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959. С. 408.*

*** *Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. С. 18, 40, 50, 54.*